

Анатолий Козлов

Тысячелетний путь
литературы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анатолий Юрьевич Козлов

Тысячелетний путь литературы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39502213

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-532-11268-1

Аннотация

Первая книга автора «Десять веков русской литературы» была удостоена премии Святого Благоверного князя Александра Невского. История русской литературы вне контекста православия будет только набором непонятных исторических фактов, мало связанных между собой. В этой книге, помимо дополнений и уточнений, даётся обзор современной и краткое толкование духовной литературы. Книга стала лауреатом Всероссийской премии А.К. Толстого 2016 г. Она написана в научно-популярном жанре и предназначена для широкой читательской аудитории. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Над пропастью во лжи	5
Введение	14
I. На благодатной почве	26
1.	26
2	48
3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Анатолий Козлов

Тысячелетний путь литературы

«Святая русская литература» – так, склонные к исповеди
и к славословию, назвали мы ее в юные годы ...»

Томас Манн

Над пропастью во лжи (предисловие)

Когда археологи находят древнюю свалку отходов, они радуются и называют её «*культурный слой*». Отличительной особенностью христианской православной цивилизации является то, что результатом её жизнедеятельности становятся не мусор и отходы, а *святости*. Это область исследования не столько археологии, сколько духовного просвещения.

Человек не может прожить без святости. И если отдельные индивидуумы приспосабливаются обходиться без *этого* состояния души, без прикосновения, хоть изредка к Высшей Истине, то в целом *народ, лишённый святости, погибнет*, для начала перестав быть народом – потеряв свою национальную, данную Богом идентичность.

В своей книге «Десять веков русской литературы», вышедшей в 2010 году, я попытался представить процесс появления тех или иных литературных течений не как следствие возникновения новых экономических, политических или общественных укладов, а, прежде всего, как отражение духовного состояния человека. Появление экономических и политических формаций, наоборот, является следствием духовного состояния общества. *В основе любого экономического кризиса лежит кризис духовный.*

Для того, чтобы понять эту мысль, требуется преодолеть стереотип мышления, воспитанный «традиционным» методом, основанным на теории экономического «развития». Следует отметить, что появлению этой теории способствовала материализация сознания, развившаяся на почве бездуховности и отрицания нравственности как основы. Это, более всего, характерно для западного сознания, вошедшего в эпоху *постмодерна* – где мораль и нравственность заменена юриспруденцией и государственной юрисдикцией, что так соблазнительно для секулярного «научного» понимания. Однако череда современных экономических кризисов показывает, что даже количественные изменения условий существования человека не могут считаться развитием общества. А «повышение» уровней комфорта и «благополучия» – всего лишь рычаги и механизмы реабилитации пробуксовывающей экономики. Только такой комплексный подход к культуре и литературе, в частности, может дать истинную картину изменения в этой сфере.

Сама «мода» на художественные течения и методы в культуре пришла с Запада, и вовсе не в силу вековой русской «отсталости».

Большинство трудов, основанных на существующей (традиционной) «научной» основе, рассматривают литературный процесс как *развитие*. При таком подходе период русской литературы до XVIII-XIX веков представляется как «подготовительная» почва для создания «классики», тогда

как, на самом деле он является величайшим духовным наследием, составляющим суть, ядро русской литературы, её *Золотой век*.

Сторонники теории «развития» используют термины «Золотой век» (начало XIX века) литературы и «Серебряный век» (конец XIX начало XX века), нисколько не смущаясь, что «Серебряный» следует после «Золотого», чего не может быть в случае *развития*. Нередко теории «развития» литературы и культуры привязывают к теории общественного «развития». От этого возникает всё больше сложнейших «научных» концепций и подходов, пытающихся дать объяснение происходящему литературно-культурному процессу. Происходит нагромождение терминов и понятий как в самой литературе, так и в литературоведении, что ещё больше осложняет и запутывает дело. Чтение современных произведений без «специальных» знаний современных «литературоведческих» теорий становится «невозможным».

Сегодня возникают «вдруг» «метажанры», якобы являющие собой нечто новое, какой-то необычный взгляд на художественное произведение, говорится о «ренессансе» модерна и прочая, ни на чём не основанная, кроме авторских домыслов, теоретизация литературного процесса. Это «явление» уже вошло в науку. В результате, прежде чем взяться за современную литературу, нужно изучить «методологию» её чтения! В то время как десять, пятьдесят, сто лет назад создававшаяся тогда литература, ставшая теперь *клас-*

сической, была доступна практически массовому сознанию. Доступна она и сейчас. Нередко *искренние* любители литературы, порой, не владея «старославянским» языком, читают *древнюю*(!) литературу без всякого перевода, не понимая тексты дословно, но улавливая суть и наслаждаясь *поэтикой* и *образностью*, звучанием языка.

На наш взгляд, будет честнее рассматривать литературный процесс не как прогресс или развитие, а как **аккомодацию**-то есть приспособление или адаптацию – приспособление средств выражения под современное духовное состояние человека.

Термин «развитие» надо понимать как развитие современных средств, *развитие форм*, обусловленное изменением духовного состояния людей, **либо количественные изменения**. Может показаться удивительным, но даже развитие языка как средства выражения сопровождалось его упрощением и словарным оскудением, заменой корнесловных систем искусственными словарными надстройками и искусственным словообразованием, изменяющими не только логический и ассоциативный порядок мышления, делая их всё более спонтанными и мозаичными, но и изменяющими духовный – базисный потенциал культурной составляющей сознания человека.

И если теории «развития» литературы и культуры основываются или привязываются к теории «экономических формаций», на практических примерах легко доказать, что фор-

мации эти – существуют только в умозрительном состоянии, а не в реальной жизни. Например, если в древней (рабовладельческой) Греции рабский труд составлял около 5%, то в Германии в сороковых годах он был примерно 50%. А при современных формах экономической оккупации Запада и промышленного рабства, возможно, и больше. На Востоке же и в Азии рабство и вовсе существует в традиционных формах и никогда не прекращалось. А пресловутые «демократические» процессы – не что иное, как новая рабовладельческая экспансия.

Чтобы понять это, надо, вероятно, обладать сознанием православного верующего. Уже исходя из книг Священного Писания, которые заканчиваются «Апокалипсисом», очевидно, что происходящий технический «прогресс» – не является развитием человечества, а в лучшем случае, является процессом материального *приспособления* человечества, сопровождающийся духовным оскудением.

Так называемое «совершенствование» жанров, стилей, течений, их многообразие, в культуре вообще и конкретно в литературе – это всё признаки *приспособления форм*, а не *развитие*. Для подтверждения можно взять факты и процессы, происходящие в западной культуре. Так, оправдываясь демократическими процессами, и «развитием» в обществе *толерантности*, в западных европейских странах возникают протесты против ранее принятых общенародных праздников, основанных на христианской культуре, оправдывая

это тем, что их всеобщее празднование может ущемить права и религиозные чувства людей других вероисповеданий. В то же время под эгидой всеобщего «равенства» узакониваются однополые браки и усыновление детей в однополых семьях, не говоря уже о массовых праздниках секс-меньшинств и «гей-парадах». Хотя даже в самом названии этих явлений содержится слово «меньшинства». Мало того, что *ни в одной традиционной религии такие отношения не считаются нормой*, так и сам принцип *демократии* подразумевает подчинение *меньшинства* мнению *большинства*. Но в отношении христианских традиций его используют, а вот в отношении «меньшинств» он почему-то не действует.

Таким образом, из этих примеров видно, что духовная составляющая человеческого общества имеет тенденцию не к развитию, а к деградации. Человек всё более «удаляется» от Бога, сознание его всё больше секуляризируется, и подменяется так называемым «научным». Здесь, аналогично тому, как приспосабливается вирус гриппа к новым лекарствам, так же и средства общения и выражения, изменяясь, приспосабливаются, мимикрируют к его изменяющемуся пониманию. Форма приспосабливается к содержанию, заменяя его, становясь всё более замысловатой, пытаясь восполнить оскудевающий духовный потенциал.

Вспомните многообразие литературных течений, возникшее в «Серебряном веке», которое всё время преподносят как достижение в духовной области, несмотря на то, что по-

сле этого периода произошёл ряд мировых катастроф и трагедий, в том числе и в «серебряновековой» России. «Серебряный век» отличался особенной бездуховностью и падением морали. Примером тому служат тогдашние философско-религиозные общества, занимавшиеся, если говорить откровенно, «поиском» Бога. Однако Бог, согласно Закону Божию – *существо* безначальное, постоянное, и совершенное – то есть неизменное. Так кого искали, и по какой причине? А древнее Православие не сообразовывалось с новыми веяниями, с новым состоянием духовной скудости.

Итак, форма подменяет содержание, игры разума – работу души. При этом теряется сокровенный смысл как языка в целом, так и в отдельных словах. Как, например, потерял смысл слова «спасибо» – из пожелания спасения души (спаси Бог) – смысла человеческой жизни – оно превратилось в простой элемент вежливости и т.д. Совсем неслучайно службы в православных храмах идут и молитвы читаются на церковнославянском языке, – по современным «научным» понятиям – «устаревшем». Как раз этот факт и подтверждает то, что современный язык, постоянно изменяющийся (приспасабливающийся), не может быть адекватной заменой старому, «древнему» – в связи с утратой своей духовной сущности.

Таким образом, можно сделать вывод, что возникновение «новых» форм и средств выражения – это попытка приспособить средства общения под изменяющееся духовное со-

стояние человеческого сообщества и отдельного человека и способ «раскрасить» их хотя бы внешне, придать видимость гармонии при исчезновении высокого духовного наполнения.

Нужно отметить, что книга «Тысячелетний путь литературы» не является набором критических статей отдельных произведений, литературных течений, стилей и направлений. Это попытка представить русскую литературу как *единый литературный процесс*, как единое целое, как единый, изменяющийся, встраиваемый в концепцию времени и человеческого мышления непрерывный процесс утверждения основ человеческого существования. Приняв в X веке Православие, Русь-Россия прошла немало испытаний, подчас тяжелейших и суровейших, порой начиная собственную историю с «чистого листа». Каждый раз оказываясь перед необходимостью в изменившихся исторических условиях вновь и вновь доказывать истинность выбранного пути и непреходящую сущность самих духовных истин православного христианства.

Концепция книги позволяет рассматривать восьмисотлетний период русской литературы (до XVIII века) как величайшее духовное наследие, которое предстоит заново осмыслить. Такой подход к литературной методологии предлагается назвать *духовным православным реализмом*, где «духовный»¹ – означает ту область, которую следует развивать для

¹ Термин «духовный реализм» встречается в работах И.А. Ильина, в лекциях

ясного понимания и видения бытия, то есть **способ**, а «православный»² указывает **метод** или путь, «методику».

Путь русской литературы – это история высочайших духовных взлётов и разверзающихся перед её создателями бездонных пропастей. Думается, что говорить о ней надо как о духовном явлении. О том, каких высочайших духовных пределов достигла русская литература и какие бездны ей удалось обойти.

Анатолий Козлов

А.М. Любомудрова, О.Б. Сокуровой.

² Термин «православный реализм» предложил Н.М. Коняев.

Введение

*«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...»*³. Эти слова нужно бы вписать во все учебники словесности и сделать правилом номер один. Чтобы дети, с самого начала, приступая к изучению родной речи и родного языка, помнили, с каким чудом предстоит им соприкоснуться и к какому таинству приобщиться.

Дар речи – божественный дар, а слово – это живой организм, воздействующий на наше бытие и преобразующий его в лучшую или в худшую сторону. Действие слова на живую материю зафиксировано и подтверждается наукой.

Сегодня далеко не каждый учёный станет отвергать существование Бога. Здесь нет ничего парадоксального, тем не менее, современному человеку постиндустриального общества следует напомнить, что наука и зародилась, и вышла из лона церкви. Современная секулярная наука, отрицающая Бога – это не следствие стремления к прогрессу, а всего лишь следствие человеческой гордыни. Учёный, отвергающий Бога, по сути своей не столько стремится постичь истину, сколько намеревается совершить революцию. Это и есть почва для вызревания революционных идей – перетряхнуть мир, чтобы «улучшить» его. Напомним только, что первы-

³ (Иоанн 1,1)

ми революционерами на земле были строители Вавилонской башни, а самым первым – падший ангел по имени Денница.

Сегодня учёные сталкиваются с явлениями, ни объяснить которых, ни описать механизм их действия невозможно, и теперь, и в перспективе. К примеру, в учебном пособии «Исследование систем управления» под редакцией В. В. Мыльника⁴ дано следующее определение: «ИНФОРМАЦИЯ. Информация – это сведения, сообщения, знания, **флюиды**, данные, которыми обмениваются люди, люди и технические устройства, технические устройства между собой; обмен сигналами в животном и растительном мире, с космическим пространством; передача признаков от клетки к клетке, от организма к организму». В новейшей литературе по управлению используется понятие, обозначающее некое явление, измерить которое или зафиксировать приборами практически невозможно. Можно только увидеть или почувствовать результат его действия. К сожалению, в учебнике нет определения самих флюидов. Обратимся к толковому словарю Ожегова: «ФЛЮИДЫ ов ед. флюид -а м. (устар. и книжн.). Внешне неосязаемые течения, токи (в 4 знач.) исходящие от кого-чего-н. От этого человека идут ф. добра. || прил. флюидный -ая ое».

Еще несколько лет назад употребление подобных поня-

⁴ «Исследование систем управления» учебное пособие для вузов, Мыльник. В.В., Титаренко Б.П., Волочиенко В.А., Москва. «Академический Проект»; «Трикта» 2006 г.

тий в науке, да ещё экономической, считалось бы шарлатанством. Не факт, что и теперь этот термин войдет в широкое употребление и удержится в научной терминологии, впрочем, как и те, что нынче считаются исключительно научными и научно обоснованными.

Возьмём следующий пример из того же учебника: «СИ-НЕРГИЗМ. Синергизм означает однонаправленность действий, происходящих в определенной системе, результатом чего является повышение конечного эффекта. При однонаправленной деятельности отдельных людей, объединенных единой целью и решением одних и тех же задач, появляется дополнительный эффект, который в конечном итоге приводит к повышению эффективности конечного результата. Нарушение однонаправленности действий людей в любой системе приводит к потере эффекта синергизма. К сожалению, научного обоснования такого явления нет...». Обратите внимание на пояснение – «научного обоснования такого явления нет». Что это значит? Если отбросить различные суеверия и предрассудки, это не что иное, как одно из научных признаний (и доказательств) существования Бога.

Наука сегодня подошла к рубежам познания, за которыми находится безграничный мир, недоступный научным знаниям, не подвластный разуму человека и эмпирическому изучению. Существующий мир несравнимо больше тех знаний, которыми обладает современное человечество.

Ещё в 1908г., накануне страшных кровопролитных войн

и революционных катаклизмов, священник и в то же время выдающийся учёный (исследования в области лингвистики и семиотики, искусствознания, философии, математики, экспериментальной и теоретической физики и др.) **Павел Александрович Флоренский** (1882–1937) писал в своей книге «Столп и утверждение Истины»: *«Человек мыслящий уже понял, что на этом берегу у него нет ничего. Но ведь вступить на мост и пойти по нему! Нужно усилие, нужна затрата сил. А вдруг эта затрата ни к чему? ... Я остаюсь, остаюсь здесь. Но мучительная тоска и внезапная надежда не дают даже издыхать спокойно... Я бегу, стремительно бегу назад. Идти и не идти, искать и не искать, надеяться и отчаиваться, бояться истратить последние силы, из-за этой боязни тратить их вдесятеро, бегая взад и вперёд. Где выход? Где прибежище? К кому, к чему кинуться за помощью? «Господи, Господи, если Ты существуешь, помоги бедной душе, Сам приведи меня к Себе! Хочу ли я или не хочу, спаси меня. Как можешь и как знаешь, дай мне увидеть Тебя. Силою и страданиями привлеки меня!»»*.

Предлагаем точку зрения нашего современника – протоиерея *Кирилла Копейкина*, кандидата физико-математических наук, кандидата богословия (из материалов Второй Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России» 2005 г.: *«И, как это ни парадоксально, именно в XX столетии наука пришла к пониманию того, что человек так*

глубоко укоренен в мироздании, что любая попытка устрани-
нить его из картины мира может привести не к «объек-
тивности», но лишь к абсурду... И если мы могли бы в на-
шем... потемневшем мире уловить то состояние материи,
которое нам больше недоступно, потому что мы её видим
не Божьими глазами и не изнутри духовного опыта, мы уви-
дели бы, что Бог и всё Им сотворенное связаны живой свя-
зью»... Утверждение факта пронизанности материи жиз-
нью... есть естественное следствие тварности мира... Мир
связан с Богом, самой Жизнью, он и оживотворен, жив, не
сам по себе, но в силу наличия этой связи, без которой ничто
тварное просто не может существовать... Более того, ока-
залось, что те самые объективно измеряемые при помощи
приборов параметры, которые мы приписываем микрообъ-
ектам, вовсе не являются «объективными», ... но возника-
ют лишь в сам момент наблюдения и не существуют вне его.
Таким образом, новоевропейская физика по существу дошла
до своего объективного предела.Само наблюдение делает
мир таким, каким мы его видим. ... Тот, кто думает о себе
просто как о наблюдателе, оказывается участником... это
является участием в создании вселенной... Между кванто-
вой механикой и функционированием сознания... глубокая
связь... сознание не противопостоит миру, но включено в
мироздание и может воздействовать на него, а это нахо-
дится в вопиющем противоречии с исходным постулатом
новоговропейской науки.....

*К сожалению, покоровшая сегодня едва ли не весь мир западноевропейская цивилизация не избежала предуказанной прп. Максимом опасности искушения тварным, а намеченный святоотеческой традицией путь символического познания мира «чрез человека» воспринимается ныне как маргинальный. Это стало результатом утраты веры в реальность символа, что, в свою очередь, было обусловлено возникшим на исходе Средневековья разрывом умопостижаемого и чувственно-воспринимаемого миров. Сама мысль о возможности **опытного богопознания**, которому оказывается причастна человеческая телесность, казалась католическим богословам признаком варварской дикости. Именно в этом пункте, подчеркивает прот. Мейендорф, коренится «то, что всегда противопоставляло Писание и эллинизм, Иерусалим и Афины, апостолов и философов, религию Воплощения и телесного воскресения и религию развоплощения и бессмертия души».*

Шагая по пути цивилизации и технического прогресса, человечество на отдельных участках вплотную подошло к области божественного – непостижимого и непознаваемого. Именно так надо понимать путь к постижению тайн природы и так надо понимать, что такое человек и что такое человеческая речь – величайший феномен, рождённый природой по воле Божьей.

Каждое слово уникально, ибо оно есть живое существо – обладающее своей энергией и тайным смыслом, постичь ко-

торый до конца современный человек пока не в силах, чувствуя только на себе его проявление, догадываясь о нём, но используя лишь одну мизерную часть его возможностей.

Убиение языков, их консервация начались на рубеже шестнадцатого-семнадцатого веков, с возникновением науки, противопоставляющей себя церкви. В то время стали появляться учебники, возникли первые попытки втиснуть живую речь в ряд правил, описать человеческую способность запечатлевать с помощью речи образы, возникающие в сознании, механизм возникновения которых современной наукой не познан и секрет его раскрыт быть не может. Невозможно объяснить, кроме как Божьей волей, причину возникновения на Земле самой жизни и появление человека. Человека, сотворённого по образу Божьему и подобию, то есть способного мыслить и выражать свои мысли вслух и уметь воплощать их в своих деяниях, обладающего душой и стремлением к совершенству.

Потому-то всякое слово, сказанное во зло, каждое дело, сделанное не во благо всего сущего, противоречит своей собственной природе и падает тяжким бременем на человечество, оставляя оспины на теле Земли и человечества, как метеориты оставляют следы на лунной поверхности. Они накапливаются, отравляя существование как людей, так и всего живого, отдаляя нас всё дальше и дальше от божественной сущности. Однако слова, идущие от чистого сердца, воздвигают храмы.

Важно заметить, что в настоящее время упрощение, а значит, убиение языка, принимает характер катастрофический, поскольку оно становится элементом официальной культуры, культуры массовой. Сколько слов уже забыто, вернее, убито, и сколько омертвелых, полуживых, умирающих. Все это является следствием нашего небрежного отношения к ним.

Сегодняшнее положение усугубляется тем, что убиение языка происходит через воздействие на неокрепшие молодые умы и души. Юноши и девушки, ещё не успевшие ощутить радостей, которые несёт многообразие слов, форм и образов, выраженных с помощью языка, оказываются отрезанными и изолированными от этого блага. Их язык катастрофически быстро упрощается, «универсализируется» и, соответственно, вульгаризируясь, теряет свою связь с *природой* речи. Во многом это происходит от неверного, мифологизированного преподавания Русской литературы и её истории, и так называемых «гуманитарных наук», в частности, философии. Интересен современный взгляд на состояние этих «наук» изнутри: *«Есть мысль и подобие мысли. Подлинная мысль стремится к своему прозрачному обнаружению, подобие мысли огораживается замысловатым чаштоколом терминологических ухищрений... Как часто, листая философскую книжку русскоязычного автора, задаёшь один и тот же вопрос: «О чём автор печётся, что побудило его взяться за перо, в чём его боль?» Внешнюю атри-*

бутику научных трудов освоить несложно, но не наступило ли время подлинности и в этой сфере, где зёрна от плевел отделяет самостоятельность мысли, выросшая из освоения традиций? ...Самое опасное для XX столетия направление – педагогический позитивизм с его верой в силу строгой науки, в возможность всё и вся объяснить принципами, законами, понятиями... наука вскружила головы поколениям людей, не связанным даже профессионально с наукой. Подчас чем дальше от науки стоит человек, тем безраздельнее его вера в её всесилие» («Духовный смысл русской культуры» 2006 г., Александр Аркадьевич Корольков – академик РАО, профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой философской и психологической антропологии Российского государственного педагогического университета. Лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования)

Разорвана связь времён, отброшен, как устаревший хлам, как представляющий сугубо узкий интерес для специалистов, древний период Русской литературы, период литературы, создаваемой, говоря современным языком, высочайшими профессионалами, «профессионалами» духа.

Каков может быть результат этого процесса? Лишённый богатств родного языка, человек становится равнодушен к своему прошлому, ему становится всё равно, кто были его предки, ему всё равно, где он родился и где проживает. Он абсолютно равнодушен к тому, что будет и что останется по-

сле него. Он живёт только сиюминутным. Прошлое для него – прах, в будущем его нет, значит, нет и будущего. Будущее есть только у того, кто знает своё прошлое. В противном случае остаётся только мгновение настоящего, которое только и принимается за действительную жизнь. Отсюда возникает желание немедленного извлечения максимума удовольствий при минимуме затрат – брать «всё» от жизни – ничего не давая, не внося вклада, не преобразовывая её, не прилагая труда, не заставляя работать душу, а следовательно, не выполняя своей основной миссии – для которой создан человек.

Не оглядываясь назад и не всматриваясь вдаль, толпы людей без роду-племени, без чувства родины (присущее любому живому существу), не имеющие святости в душах, потому, что родной язык – это голос души, шатаются по планете в поисках удовольствия и выгоды и вырывают друг у друга жирные куски. Вот что ждёт нас, если мы и дальше будем так безответственно относиться к тому, как общаются наши дети, на каком языке они говорят, что они читают, что слышат вокруг себя каждый день, какая музыка доставляет им удовольствие...

Эти слова были написаны мной в книге «Десять веков русской литературы» в 2008 году. Спустя два года, читая **Александра Семёновича Шишкова**⁵ (1754–1841), того самого, к которому обращался Александр Сергеевич Пушкин в своём романе «Евгений Онегин»:

⁵ Адмирал, учёный, государственный и общественный деятель, славянофил.

*Всё тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du somme il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.)*

в книге «Огонь любви к отечеству» (2011 г.), составленную *Василием Васильевичем Семенцовым*⁶, я встретил такую мысль, высказанную Шишковым двести лет назад: «... *Человек, почитающий себя гражданином света, т.е. не принадлежащим никакому народу, делает то же, как бы он не признавал у себя ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Он, исторгаясь из рода людей, причисляет сам себя к роду животных*» (А. С. Шишков «Рассуждение о любви к отечеству, читанное в 1812 году в «Беседе любителей русского слова»»)

Без любви к Родине, а её не может возникнуть без любви к родному слову, люди превращаются в худших, неразумных животных. Можно допустить, что таким стадом легко управлять. Должно быть, кому-то это удобно. Тем не менее, всё это, очевидно, кончится катастрофой. Не может не кончиться. Потому что любой дремучий дикарь бесконечно богаче духовно по сравнению с дикарём индустриальным, дикарём-постмодернистом со слепоглухонемой душой.

Эта книга продиктована самим временем. Пора уже посмотреть на Русскую литературу глазами *духовного реалиста* и понять, наконец, что она не жалкая убогая хромоножка,

⁶ К.п.н., председатель Общества православных педагогов С-Пб епархии «Миссия русского языка в современном обществе»

плетушаяся вслед за «передовыми» изошрёнными западными идеями пресыщенного разума, а область высокого духовного полёта.

Хочется завершить вступление словами **Владимира Ивановича Даля** (1801–1872), прозаика, поэта, драматурга, лексикографа, человека, создавшего «Толковый словарь живого великорусского языка». Интересы его были всеобъемлющи и глубоки, однако самым прочным и долговечным был интерес к родному языку: *«Ни прозвание, ни вероисповедание, ни сама кровь не делают человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека – вот где надо искать принадлежности его к тому или иному народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа – мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу принадлежит. Я думаю по-русски».*

I. На благодатной почве

1.

Да, пора – *«начяти старыми словесы»* и разобраться, действительно ли русская литература имеет свои отличительные особенности, помимо самого языка, и в чём принципиально они заключаются, какие духовно-нравственные ценности составляют её основу и что происходило с ними на протяжении истории литературы?

Почему, говоря о духовно-нравственных ценностях, речь прежде всего идёт о литературе? Думается, потому, что она является главным носителем этих ценностей, а чтение родной литературы, её лучших, высокодуховных образцов – является спасительным как для отдельного человека, так и для России, в целом. Целительным не только для душ людей, но и для науки и для экономики. Кстати, следующую книгу нужно будет посвятить русской экономике, её особенностям – не только климатическим, но и отношению русского человека к потреблению, накоплению и торговле. Однако вернёмся к литературе.

Дмитрий Сергеевич Лихачёв (1906–1999) в своей кни-

ге «Развитие⁷ русской литературы X-XVII веков» говорит о *национальном* характере любой литературы вообще и отмечает *особенности исторического пути* литературы, развивающиеся взаимоотношения с действительностью, меняющееся положение литературы в обществе. Тем не менее, говорит он и о *национальном своеобразии литературы*, выделяя постоянные признаки *содержания и формы*, отличающие её от других национальных литератур: *неизменные идеи, настроения, эмоциональный строй, моральные качества*. Вне всякого сомнения, русская литература имеет свои индивидуальные особенности, заключающиеся в её духовной направленности, в стремлении постичь высшую правду.

Попытки сформулировать цели и задачи литературы возникали и возникают постоянно, по крайней мере, вопросы: «Кто виноват?» или «Что делать?» – задаёт себе не один начинающий, исполненный честолюбивых замыслов и желающий докопаться до истины литератор. В наше бурно протекающее «революционное» время вопрос этот стоит как никогда остро, и дискуссии по этому поводу отнимают порой значительно больше энергии и здоровья, чем сама литературная деятельность непосредственно. Современная литература буквально захлёбывается в бесчисленных попытках поисков новых средств выражения, что само по себе закономерно и неоспоримо, если бы эти попытки не переходили в пося-

⁷ Термин Д.С. Лихачёва. Предлагается понимать как «развитие» нового качества литературы – христианства.

гательства на пересмотр *вечных ценностей*, то есть основ и фундамента человеческого существования. Именно поэтому и возникает желание показать в простой и ясной форме позицию русской литературы с момента её появления с точки зрения официальной исторической науки, то есть с конца X – начала XI веков с тем, чтобы объяснить, откуда она черпала вдохновение. Тем самым хочется ещё раз напомнить, что Русская литература высочайшего духовного уровня возникла, вопреки расхожему мнению, не в XIX и даже не в XVII веке, а намного раньше. *Франсуа Лесур* в своей работе, посвящённой Д. С. Лихачёву, писал: «... *Русская литература, предшествующая литературе XVII века, известна очень мало... Этот пробел – если не в фактах, то в нашем знании – не следует, по правде говоря, вменять в вину только западным читателям. Российскому читателю до недавнего времени было свойственно такое же безразличие... Русская литература XIX века, достижения которой получили широчайшее признание, порой кажется возникшей из ничего, и в то же время уже с XVII века она оказывается полностью готовой к тому, чтобы занять своё место рядом с западными литературами, опыт которых насчитывал к тому времени несколько столетий ...».*

Вот что говорит об этом сам академик Д. Лихачёв: «... *число грамотного населения во всех слоях общества в XI-XVII вв. вовсе не было столь малым, как это представлялось в XIX в. Открытие берестяных грамот отчетливо про-*

демонстрировало наличие грамотных крестьян, грамотных ремесленников, не говоря уже о грамотных купцах и боярах. Что духовенство было в основном грамотным, сомневаться не приходится. Степень грамотности населения зависит от уровня его благосостояния».

Удивительно, но порождённый советской эпохой миф о том, что вся Русская литература вышла из сказок бабушки Арины Родионовны – няни А. С. Пушкина, до сих пор многими воспринимается как историческая реальность. Можно допустить, что не без помощи этой доброй русской женщины вырос наш великий поэт и прозаик. Общение с русской крестьянкой, возможно, и сделало Пушкина истинно русским душой, научило понимать Россию, которую критическим «умом не понять», а можно только почувствовать духовно. Однако зачем же умалять заслуги Александра Сергеевича, его энциклопедические знания древнерусской литературы, жития Русских святых, святоотеческой литературы? Литературы, созданной не дилетантами, а как сказали бы нынче, специалистами, образованными не только с точки зрения филологии, но достигшими вершин духовного развития. Важно помнить, что, так же, как к писанию икон допускались только самые достойные, подготовленные не только технически, но прежде всего, нравственно, так и к написанию текстов подходили с внутренним трепетом, со страхом Божиим, с постом и молитвою, с особым благословением, с осознанием высочайшей ответственности за каждое

слово. Всё образование древней Руси (как и в средневековой Европе) сосредотачивалось в лоне церкви и исходило оттуда. Монастыри были центром просвещения. Именно потому этот восьмисотлетний(!) период в эпоху борьбы с религией был откинут в сторону и заменён мифом о незначительности древней литературы, о её несущественном влиянии на Русскую литературу XIX и последующих веков, о её значении только для специалистов. Но *«культуру, если это подлинная культура, нельзя отбросить без потерь для дальнейшего её развития... Честный взгляд на поколения, воспитанные на основе христианской морали, соединённой с общинными народными обычаями, позволяет говорить не о худших человеческих качествах – доброте, способности к самопожертвованию ради ближнего и Отечества, совестливости, милосердию, кротости, правдивости».* («Духовный смысл русской культуры» 2006, А. А. Корольков) Именно благодаря Православию – его существующей системе *духовно-нравственных* ценностей и возможно было не только само появление таких величин Русской литературы, как А. Пушкин, М. Лермонтов и т.д., но и феномена *раннего* развития их творчества. Православная духовность способствовала раннему духовному созреванию и формированию личности, потому что дети с малых лет учили и читали молитвы, изучая и познавая родной язык таким, на каком говорили их деды и прадеды.

Стоит ли говорить о том, сколь высоким и изящным, но

точным и одухотворённым языком написаны молитвы, какие чувства и помыслы они воспитывают с детства. Дети очень рано усваивали устойчивую четкую и ясную систему духовно-нравственных ценностей и твердо знали, что можно делать, а чего нельзя. Нынче – в XXI веке не каждый современный взрослый человек знает определенно: что такое – хорошо и что такое – плохо. Не случайно в наше время современные дети вовсе не спешат перенимать от своих бабушек культуру и образование. Скорее, можно наблюдать обратный процесс. Сегодня нет *языковой связи* поколений.

Думаю, то, что наше изобразительное искусство и наша литература до эпохи Петра Великого принципиально отличались от западных образцов, не даёт повода говорить об их отсталости, неразвитости и примитивизме, поскольку мы говорим, напоминая, о развитии, имея в виду духовную составляющую. Тем не менее, даже подразумевая приёмы и технику, древнерусское искусство нельзя считать примитивом .

Взять, к примеру, такие шедевры, как: «Слово о полку Игореве», «Поучение» Владимира Мономаха, «Моление» Даниила Заточника. Их просто нельзя сравнивать с европейской литературой, используя привычные критерии потому, что для их оценки требуются принципиально иные подходы. Если только с аналогичными по жанру вроде «**Диоптры**» – сочинением византийского монаха XI века Филиппа

Монотропа («Пустынника»)⁸. Более того, при действительно профессиональном подходе сравнение может оказаться не в пользу западного искусства. Произведения древнерусской литературы во многом носят поучительный и назидательный характер – передачи духовного опыта, практического руководства – особенно в духовной сфере. Но при этом они не лишены вдохновенной поэтичности, образности, изящности, лёгкости слога. Вот отрывок из **«Слова о полку Игореве»** (в переводе на современный язык): *«О Боян, соловей старого времени! Вот когда бы ты, соловей, эти полки щекотом своим воспел, скача словом по древу мысли, умом летая под облаками, свивая славу давнего и нынешнего времени, волком рыща по тропе Трояновой через поля на горы! Так бы тогда пелась слава Игорю, Олегову внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие, галок стаи летят к Дону великому». Или так зачалась бы она, вещей Боян, внук Велесов: «Кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле»»*. При всём несовершенстве литературных приёмов того времени и способов передачи событий мы не можем не восхититься лиричностью и напевностью стиля, сочностью и точностью образов и, что особенно ценно, ясностью мысли, а также существованием различных стилей. Может ли современная поэзия в большинстве своём хотя бы приблизиться к этому? Предвижу – найдутся

⁸ «Душезрительное **зерцáло**» (др.-греч. «Διόπτρα» – зеркало) – Основу сочинения составляет разговор Души-госпожи и служанки-Плоти.

«знатоки» и возразят, что история происхождения «Слова» весьма туманна — ни даты точной, ни авторства. Любители докопаться до «истины» возразят, что и авторов, возможно, несколько. Однако как мы увидим дальше, ко многим произведениям на исторические темы, авторство которых известно доподлинно, можно предъявить не меньшие «претензии», особенно что касается толкования, интерпретации и подлинности событий.

Последние исследования писателя-историка *Алексея Ивановича Умнова-Денисова* говорят о более ранних версиях происхождения «Слова». Вот что он пишет об обнаруженном им одном из произведений: «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЯ, (ОЛЕГА) ВЕЩЕГО, ПАСЫНКА СТЮРЛАУГА ЛЮБИМОГО ВНУКА, ДИРА ПЛЕМЯННИКА».

«В 1875 году, в Румынии, во время возведения хозяйственных построек для монастыря, построенного в 17-м веке на месте древнего Ведического капища, было обнаружено около четырёхсот золотых пластин с древними письменами. Они получили название Сантии Даков. Румынский король Карл I приказал переплавить большую часть этих пластин, чтобы пополнить свою пустую казну. Перед переплавкой он приказал сделать точные свинцовые копии переплавляемых золотых пластин-страниц. Благодаря этому, до наших дней дошли не только избежавшие переплавки золотые пластины, но и свинцовые копии переплавленных. В настоящее время из четырёхсот пластин для изучения доступны порядка ста,

мною дешифровано 50 табличек. Свыше 300 штук мне недоступны. Таблички хранятся в различных румынских музеях и спецхранах. При дешифровке выяснилось, что язык текстов славянского извода близок к древнерусскому.

Капище, которому принадлежали золотые пластины, это Трансильванское головное капище Балканских славян, обитавших в провинциях Мезия, Норик и др., осуществлявшее духовную власть во всех областях славян. Время деятельности капища от V в. до н.э. до IX в. н.э. Таблички содержат историческую хронику от времён царствования бога Ра-мы. Представлен додинастический Египет, раздел походов племён Ариев, строительные циркуляры, т.н. «Мадарского всадника», известного архитектурного памятника в Болгарии. Литературный памятник, о котором пойдёт речь, стоит особняком, это пока единичный случай.

Изложим своими словами перевод пластины, поскольку в подстрочном переводе он труден для понимания. Перед нами предстаёт Слово о полку Игореве, но не Игоря Святославовича XI в. которое мы хорошо знаем, а «Слово о полку Игореве Олега Вещего пасынка..», это произведение IX в. По древнеславянски текст звучит так: «Оущащ а полуку Иехориу Оущии поиниу». Как видим, язык произведения архаичен «юз – «Оу» – ещё не перешёл в звук «в». Первое слово звучащее, как «оущащ» это более позднее «вещащ»-вещать-вещаю, что переводиться, как вещать, говорить слово, отсюда и термин «оущии» – это вещей, стало быть речь о

князе Олеге Вещем. Итак, памятник «Слова» датирован. В нем имеются записи, что он записан повелением Болгарского царя Михаила-Бориса, принявшего христианство около 865г. Пластинка является первым листом золотой книги и анонсом будущего сказания. На данной табличке-листе много графики. Изображён герой сказания, начиная от малолетнего Игоря. Здесь же изображение хана болгарского Михаила-Бориса, и Венды, матери князя Игоря и Дира, и другие. Текст не выдержан построчно и располагается, как параллельно, так и вертикально. Отсюда, и прочтение может быть по желанию сказителя.

Письмо произведения не соблюдает никаких грамматических правил, резко отличается в этом плане от Кирилло-Мефодьевской письменной традиции. Как раз об этом говорит и черноризец Храбр в своём произведении «О письменах». В плане знаков это письмо относится к прото-кириллице с некоторыми отклонениями.

Но вернёмся к содержанию. Кроме того, что мы узнаём из первой строки, что это слово о полку Игоря Олега Вещего пасынка, узнаём далее, что это сказание составлено по типу древнейшего волхования Гизскому. Стало быть, авторы произведения сразу определяют связь древних славян с древним Египтом, ибо Гиза – это древнейшая область в Египте, она же долина фараонов. Составлено же произведение троянцами. Земля Трояни, в «Приникании» (А. И. Умнов-Денисов. Приникание. М., 2010) – это один из эпитетов древней Ру-

си. Отсюда вывод, что произведение о Полку Игоре Олега Вещего пасынка, записанное во времена первого болгарского царства, это древнерусское произведение. Одним из авторов этого произведения является также и Олег Вещий. Узнаём, что он потомок самого Атилы, царя гуннов. Олег также сотрапезник скандинавского царя Олова, героя скандинавских саг. Повествование в основном идёт от имени малолетнего князя Игоря, он внук датского конунга Стюрлауга Трудолюбивого и племянник князя Дира. У Дира есть сестра Венда, а её мать, стало быть, бабушка по материнской линии князя Игоря-Нерусса. Отец же Игоря Витал Налетатель, что близко по значению к князю Владимиру Храброму. Все вышеперечисленные персонажи являются потомками народа Атлантов, в тексте дословно «Отлосо», стало быть, другая транскрипция атлантов-атласы. Называются так же предки героев повествования, это – Моде, прародитель народа Гуннов и Моравит, основатель государства Моравия, жившего на рубеже V-VI вв. Хану болгарскому Михаилу-Борису этот род является своим и бывал часто и заботливо к нему призываем, как входящие в правящий дом Болгарии. Далее авторы слова углубляются ещё более в родословную князя Игоря: говорится, что мать его является внучкой болгарского хана Крума III. Термин звучит, как «Урити хрм» – это диалектная передача термина-числителя «третий», как урити, встречаемый и в наше время в южных говорах славян. Термин «хрм» чередование «х»-«к» не вызывает сложности. Здесь можно

прочитать этот термин и как «Крум» и как «Корым». Хан Корым или Крум уже до описываемых событий давал военную помощь с области Мёзия русам.

Подтверждение этому мы находим в «Приникании» – там говорится, что около 840 г. у Ладожан была война с соседними племенами Литов, в результате город Ладога был сожжён, а русы изгнаны с этой территории. Тогда русы обратились за помощью к болгарскому хану Круму III и тот дал им войско во главе со своим сыном Будимом, который является отцом княгини Венды и князя Дира, стало быть, он является и дедом Игоря по материнской линии.

Далее авторы углубляются в седую древность, доходя до времён египетских. Строка номер 10 звучит так: «С Лепого, он ещё Крит, по вывесившейся выведены». Здесь называется остров Крит и его же протославянское название «Лепий» что означает «красивый-прекрасный», но и термин «Крит» в переводе с латыни имеет тоже значение «красивый». Это надо понимать так, что пращуры Игоря Старого в глубокой древности вышли с острова Крит или Лепия из-за «вывесившийся». Что это за «вывеска» такая? Об этом говорится в «Приникании». Около 1440 г. до н.э. над островом Крит случилась космическая катастрофа, в результате, значительная часть острова погибла. Этот факт в истории известен. Население, оставшееся в живых, остров покинуло, в их числе были и племена Ариев – протославян. Далее авторы сообщают, что некогда предки протославян проживали в древнем Егип-

те, занимали крепость Нехен, это среднее течение реки Нила, и были изгнаны из Египта с появлением Хаповцев. Хаппи – это верховный бог древних египтян. Здесь речь идёт о междоусобной религиозной войне древних протославян на территории Египта, поскольку они, как утверждают авторы, равные нильцам, т.е. египтянам.

Обосновывается родство князя Игоря с иранским народом через римского Императора Маврикия. Известно, что одна из его жён была потомком персидского царя Дария. И, самое главное сообщение – из-за чего вспыхнул государственный переворот в Новгороде в 862 г. Когда образовалась государство Русь в начале IX в., племена, её образовавшие, приняли концепцию мирного существования, т.е. не грабить соседние племена. Но не все племена это положение соблюдали, в частности, племена литов, у которых гетманом был князь Бус. Ограбленные бусовцами не оставались в долгу и наносили ответные удары по всей Руси. (Наводили поганых на землю русскую) Тогда Новгородское правительство издало указ снести оборонительные стены этим племенам и засыпать рвы. Пусть сами страдают от своих «подвигов». Что и было исполнено. «Варягам» это не понравилось, и они подняли восстание с целью отстранить Вадима от власти. Этой междоусобицей воспользовался Дир и нанёс уже свой удар по Новгороду. Вмешались в конфликт и другие заинтересованные военные силы. Здесь предстаёт истинная роль Рюрика. Этот князь был предводителем варяжских дружин, зани-

мающихся несением военной службы по найму. Князь Рюрик был приглашён новгородцами для разделения враждующих сторон, когда одна часть населения Новгородской республики встала за свергнутого Игоря, вторая – поддержала это свержение.

Когда князь Вадим Храбрый погиб, власть автоматически осталась за Рюриком, устраивающим всех. Венда с Игорем бежала на остров Рюген. В борьбу за возвращение трона Игорю вмешивается Олег Вещий, призывая на свою сторону готского короля Лотаря, войска из Паннонии и румын, т.е. племена даков. Военскую силу Олегу Вещему даёт и Дания. Но не бескорыстно, плата за помощь – это вхождение Новгорода в состав Дании, в тексте дословно «..смешаться с галлами, быть (им) дочерним народом» с главенством Новгорода. В табличке озвучиваются обязательства перед племенами гетов – приходить сражаться за них, когда зовут. В Мёзии и Моравии обязанностью руссов становится служба на заставах.

Фабула произведения заключается в том, чтобы поднять болгарские племена на борьбу с князем Диром, потому что мать князя Игоря болгарка Венда, дочь хана Будима, сына хана болгарского Крума III-го. Стало быть, князь Игорь по материнской линии болгарин. Отсюда вывод: ликвидация болгарской династии на Руси – это удар и по Болгарии. Итак, перед нами литературное произведение древней Руси IX в., рассказывающее о событиях в Новгороде 862 г. и послед-

ствиях его. Обнаруженный литературный памятник является национальным достоянием России» (фрагмент предоставлен А. Умновым-Денисовым).

Таким образом, происхождение «Слова» имеет ещё дохристианские корни. Когда мы пытаемся «дешифровать» одну из версий «Слово о полку Игореве», то, естественно, сталкиваемся с множеством толкований текста, рассчитанного автором на то, что читателю известны основные мотивы, возникшие в предшествующих произведениях, и тесно соединившего в себе, как минимум, несколько исторических периодов, сплетённых воедино «две» Руси – Русь языческую и Русь христианскую. Причём ранние тексты представляют не меньшую литературную и художественную ценность, что говорит о высоком уровне литературы предшествующих периодов. Поэтому считаем целесообразным смотреть на литературные тексты как на законченные произведения и читать то, что в них написано, а всё остальное оставить в области предположений.

Возьмём другой пример: митрополит Киевский **Илларион** (1051–1054) «Слово о законе и благодати»: *«Так и совершилось. Ибо вера благодатная простёрлась по всей земле и достигла нашего народа русского. И езеро закона пресохло. Евангельский источник, исполнившись воды и покрыв всю землю, разлился и до наших пределов. И вот уже со всеми христианами и мы славим Святую Троицу, а Иудея молчит; Христос прославляется, а иудеи проклинаяются; язычники*

приведены, а иудеи отринуты. Как говорил пророк Малахия от лица Господа Саваофа: нет благоволения Моего к сынам Израилевым, и жертвы от рук их не прииму, ибо от востока же и запада славится имя Мое среди языков и на всяком месте имени Моему приносится фимиам, ибо велико имя Мое между народами. И Давид: “Вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе”. И ещё: “Господи, Г о с п о д ь наш, как величественно имя Твое по всей земле” ... «И уже не идолопоклонниками зовёмся, но христианами, не без упования ещё живущими, но уповающими на жизнь вечную. И уже не капища сатанинские воздвигаем, но церкви Христовы созидаем; уже не друг друга бесам закалаем, но Христос за нас закалаем, закалаем и раздробляем в Жертву Богу и Отцу. И уже не как прежде, жертвенную кровь вкушая, погибаем, но, пречистую Кровь Христову вкушая, спасаемся» (перевод А. И. Юрченко).

Вот такие слова **Владимира Мономаха** весьма поучительны: «Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово господне: «Еде и питью быть без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свирепствовать словом, не хулить в беседе, не много смеяться, стыдиться старших, с непутевыми женищинами не беседовать, и избегать их, глаза держа книзу, а душу ввысь, Если кто из

вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится».

«Больного посетите. Праху мертвеца поклонитесь, ибо все мы смертны. Не проходите мимо человека, не обратившись к нему с приветом и добрым словом. Жен своих любите, но не давайте жене власти над собою. Лениость – мать всех пороков. Не ленись ни на что доброе, а особенно не будьте ленивы к церкви. Да не застанет вас солнце в постели. Узрев солнце, прославьте Бога и садитесь думать с дружиною, или судить людей, или поезжайте на охоту» Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125) «Поучение детям».

«Моление **Даниила Заточника**» и «Слово Даниила Заточника» (XII или XIII в.): «Вострубим, как в златокованные трубы, во все силы ума своего, и заиграем в серебряные органы гордости своею мудростью. Восстань, слава моя, восстань в псалтыри и в гуслях....Как пчела, припадая к разным цветам, собирает мед в соты, так и я по многим книгам собирал сладость слов и смысл их собрал, как в мех воды морские». «Коли пожрет синица орла, коли камень всплывет по воде, коли свинья почнет на белку лаяти, тогда безумный уму научится». «Хорошая жена – венец мужу своему и беспечалие, а злая жена – горе лютное... Червь дерево точит, а злая жена... дом своего мужа истощает... Злая жена всю жизнь своего мужа погубит». «Девушка губит красоту свою блудом, а мужчина мужество – воровством». «Как псам и свиньям не надо золота и серебра, так глупому – муд-

рых слов».

Какая удивительная поэтичность слога в этих словах! Какой сложный художественный язык, но при этом удивительная точность и понятность восприятия не только интеллектуального, но духовного, образного. Как мудро и точно, и приводит в порядок ум. А написано почти тысячу лет назад, и почти девятьсот лет было практическим руководством к действию, а не просто изящной словесностью. Но разве теперь устарели эти истины хоть на секунду? Разве в наше время не следует трезво осознавать действительность?

«Корни творчества Пушкина, Державина, Толстого, Некрасова, Горького и многих, многих великих и малых русских писателей не случайно восходят к древнейшим слоям русской литературы», – пишет Д. С. Лихачёв.

Нельзя, конечно же, не вспомнить, как часть литературного наследия – русские народные эпические песни – былины. Сам термин «былины» не народного, а литературного происхождения. Об этом замечательно написано в книге «Русская симфония» митрополита *Иоанна Снычева*. Тут только надо заметить, что отношение к этому жанру порой является пренебрежительным как к «дохристианскому», «языческому», «мало» литературному, «примитивному», «несовершенному» – что, дескать, может сочинить простой «малограмотный» народ? Позволим себе не согласиться с этой точкой зрения. Во-первых – большинство былинных сюжетов посвящены Илие Муромцу. Преподобный Илия Муромец по-

читается на Руси как святой и его мощи находятся в Киево-Печерском монастыре. А это говорит о том, что в большинстве своем сюжеты былин об Илье Муромце – это духовная переработка библейских сюжетов. Для примера возьмём отрывок из книги митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского **Иоанна Снычева** (1927–1995) «Русская симфония» (1995): *«Сюжетом, в котором явственно отражена мысль о харизматической преемственности богатырства, является сюжет былины об Илье и Святогоре, которая называется еще «Смерть Святогора». Происхождение образа Святогора очень сложно, и вряд ли может быть однозначно определено. Любопытно, однако, что в нем есть черты сходства со святым великомучеником и Победоносцем Георгием. Содержание былины следующее: Святогор и Илья находят гроб. Для Ильи гроб велик, а Святогору как раз. Он ложится в гроб, крышка закрывается, и открыть ее Илья не может, как ни старается. Святогор остается в гробу, а силу свою передает Илье.*

Как только не пытались объяснить появление этого сюжета! Его истоки искали в египетских мифах об Озирисе и даже в повествованиях Талмуда о Моисее и Аароне. В действительности дело гораздо проще и «православнее».

В своем послании к Галатам апостол Павел говорит: «Я умер для закона (имеется в виду закон фарисейского иудаизма), чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу...»....

Заключаясь, как в гробу, в себе самом, оставшись наеди-

не с совестью, этим обличителем и судьей грехов наших, монах трезвенно, сосредоточенно и благоговейно рассматривает себя – все ли в нем приведено в соответствие с требованиями Заповедей Божиих?». Можно пояснить еще доходчивее – прощание Руси христианской с Русью языческой – навсегда. Передача, как эстафеты русской богатырской силы. Также символичны имена: имя Святогор – языческое, имя Илья – христианское.

Почти полное отсутствие в русской литературе громких имён, так же, как и в древнерусской живописи (совсем немного дошло до наших дней) говорит лишь о нашем современном представлении искусства как индивидуального, личного, воспитанного на самовыражении отдельных гениев. И если неизвестен нам автор (авторы) «Слова о полку Игореве», то это, скорее всего, лишь следствие нашей национальной традиции. И яркий тому пример – собор Покрова Богородицы в Москве, известный более, как Собор Василия Блаженного, построенный в 1552 году в честь победы войск Ивана Грозного в войне за покорение Казанского и Астраханского ханства. В самом центре Москвы, на Красной площади, стоит один из самых ярких и знаменитых памятников древнерусской архитектуры. Но имя архитектора мы не можем назвать наверняка до сих пор и довольствуемся лишь легендами. И это не безалаберность и не наплевательство а, скорее всего, исконная русская привычка трудиться во славу Божию. Потому, что для православного мышления земная

слава – прах и тлен по сравнению с жизнью вечной, дарованной после смерти.

Далее речь пойдёт только о национальных особенностях нашей литературы, отличии её от западной без какой либо качественной оценки, которую дать, в конце концов, подчёркиваю, и невозможно, и не нужно. Это разные явления по своей *природе*.

Основной задачей Русской литературы, целью её существования были *поиски истины*. Но поиски не в смысле – в чём состоит истина, не истины как таковой, а пути к истине, оно же поиск правды, оно же смысла жизни «...*благодати и истине, в Иисусе Христе явившихся...*» («Слово о законе и благодати» Илариона – киевского митрополита).

Другими словами это можно назвать вечным решением проблемы *борьбы добра со злом*. Попутно решался вопрос что есть добро, и что есть зло? То есть, в конечном счёте – что такое «хорошо», и что такое «плохо»? Что полезно человеку – с духовной точки зрения, с точки зрения морали и нравственности, а что нет. Что полезно душе человеческой, в первую очередь – для сохранения её чистоты, а главное – для её спасения.

Отсюда ещё для раннего периода русской литературы характерны – жанры «поучение», «наставление» и т. д. Вплоть до XXI века, русская литература занималась разоблачением зла, идущего в ногу со временем, маскируемого соответственно эпохе всё более хитроумными декорациями, и

утверждала извечные основы добра, прописные истины, преподнося их нередко в новой форме, но с неизменной сутью-содержанием.

В древнем памятнике святоотеческой литературы, написанном митрополитом киевским Иларионом, первым на Руси митрополитом не византийского происхождения, в «Слове о законе и благодати» – этом замечательном образце высочайшего культурного и духовного развития Руси, однозначно даётся понимание того, что с пришествием в мир Христа для всего человечества появилась новая, недоступная ранее форма бытия. Отныне свет и истина торжествуют над формальным законом. И с принятием Русью Христианства для неё навеки определён духовный путь – путь к спасению. Но путь этот нелёгок и тернист, порой смертельно опасен. Здесь истоки поныне продолжающегося спора между западниками и славянофилами. *«Главным прозрением Илариона стало утверждение о духовной природе той силы, которая соединила разрозненные славянские племена в единый народ... Само «Слово» является едва ли не единственным памятником XI века, в котором употреблено словосочетание «русский народ», а не обычное для того времени понятие «Русская земля»...*

Митрополит говорит о Боге определённой роли именно для русского народа, «спотыкавшегося» ранее «на путях гибели», ... а ныне «во всех домах своих» восклицającego: «Христос вокресе из мертвых!» ... Цель всенародного еди-

нения в духе церковного миропонимания – сохранить чистоту веры, удержать её апостольскую спасительную истину, «святых отцов семи соборов заповеди соблюдая». Здесь – корни русской державности, понимающей государственную мощь как дарованное Богом средство к удержанию народной жизни в рамках евангельской непорочности» (митрополит Иоанн (Снычев) «Русская симфония»). Говоря научным языком; с принятием Христианства Русью произошло формирование системы духовно-нравственных ценностей. И система эта, как мы теперь можем судить, существует уже более одной тысячи лет.

Византия к тому времени находилась в сложном положении. Перестав быть оплотом вселенского Православия, идя на сближение с Западом, начав заключать церковные унии с латинством, она неизменно теряла своё могущество и клонилась к закату. Божья благодать оставила Византию, и полчища врагов обступили её со всех сторон, возникли измены, распри. Всё это было следствием попытки «подправить» основы Христианской веры, то есть изменить искусственно систему духовно-нравственных ценностей. Сделать её «удобной» для использования в чьих-то интересах.

В 1204 году столица Византии – город Константинополь был взят штурмом рыцарями-крестоносцами и разграблен до основания. Погибли не только жители города, но были уничтожены и разграблены церкви, библиотеки, памятники искусства.

Так было положено начало падению «Второго Рима», которое завершилось в XV веке взятием Константинополя турками. Но держава Православия не погибла. Святая Русь стала наследницей Византии. Вот как этот период русской истории комментирует митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) в своей книге «Русская симфония»: *«Чудо сопровождает Россию сквозь века. В конце X века вошли в купель святого крещения племена полян, древлян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян. Вышел из купели – русский народ,пока, наконец, в царствование Иоанна IV не утвердился в своем национально-религиозном мировоззрении. И все это – вопреки обстоятельствам, условиям, возможностям, выгоде, расчету. С этого «вопреки» и начинается русская история».*

Двадцатый век и начавшийся уже двадцать первый отмечены спорами по поводу монгольского периода Руси. Было это или нет, оказали монголы существенное влияние на экономическое развитие Руси или не оказали? Об этом можно дискутировать долго, но вот что бесспорно: судя по итогам данного исторического периода, нам, как ни странно, в союзе с татаро-монголами удалось «аргументировать» свою позицию в навязанной нам западом «дискуссии», поскольку само это было отчасти следствием политики русских князей того времени. Не вняли они призыву к единению автора «Слова о полку Игореве». Надо отметить, что монголы были вообще достаточно веротерпимы. Яса Чингисхана – сборник, содержащий в себе запреты и узаконения – содержала закон, предписывающий уважать и бояться всех богов, чьи бы они ни были. Случалось, что сами монголы принимали Православную веру, как было с сыном Батыя царевичем Сартаком, которого, возможно, обратил в Христианство святой князь Александр Невский. Монгольское нашествие было угрозой только для государства, но не для Православной веры. В последующие годы монголы освобождали от уплаты дани монастыри.

А с другой стороны, несомненно, во время монгольского нашествия были уничтожены многие русские города, ра-

зорены и стёрты с лица земли монастыри и храмы. Войска Батыея опустошили огромную территорию: во время его похода (1237–1241): были взяты, разрушены и сожжены Рязань, Коломна, Москва, Владимир, Суздаль, Юрьев-Польский, Ростов, Кострома, Ярославль, Переяславль-Залесский, Чернигов, Переяславль-Южный, Владимир-Волынский, Галич, Киев. Во второй половине XIII в. было до 15 походов монголов на Русь, во время которых вновь пострадали Владимир, Суздаль, Юрьев, Переяславль-Залесский, Москва, Тверь, Рязань, Курск и другие города. Нетронутым практически оставался только Великий Новгород. Погибли в огне пожарищ ценнейшие памятники литературы древней Руси и носители культуры – те, кто создавал их, хранил и приумножал. Можно вполне заключить, что был уничтожен *целый пласт* русской рукотворной культуры. Пласт уникальный и невосполнимый. Нельзя же отрицать, что одним из ценнейших средств накопления духовного опыта и его передачи из поколения в поколение были письменные источники. И вот они-то в первую очередь и гибли в огне пожаров. Домонгольская Русь была сплошь деревянная, что обуславливалось суровым климатом. Затем несколько столетий подряд Русь вынуждена была платить орде дань.

Надо отметить один интереснейший нюанс, редко упоминаемый историками. Монгольские баскаки – представители (наместники) монголо-татарских ханов в завоеванных землях, т. е. ханские чиновники, собиравшие с русских дань и

наблюдавшие за русскими князьями, собирали **ясак** (монг. *засаг* «власть»; тат. *ясак* – натуральная подать, башк. *яхак* «подать, налог») – натуральный налог (пушнина, скот, мёд и т.д.) А для сбора дани, т. е. денежного налога на Руси к монголам нанимались иудеи, радхониты или раданиты – странствующие еврейские купцы, которые на протяжении раннего Средневековья контролировали торговлю между исламским Востоком и христианской Европой по Шёлковому пути и другим торговым маршрутам. Эти сборщики дани уже тогда работали за проценты (что считалось на Руси тяжким грехом – *скверностяжание, скверноприбытчество*) и потому драли с данников, что называется, в три шкуры (научнее не скажешь), поскольку их собственный доход зависел от величины собранного – такая вот разновидность ростовщичества, которая существовала до появления банковской системы.

Всё это факты. Это период нашей истории – не самый простой и один из тяжелейших – но Русь из него вышла крепким сплочённым государством, способным играть заметную роль во внешней политике. Именно благодаря тому, что в основе государственности была Православная вера, сплотившая людей, то есть чёткая система духовно-нравственных ценностей, прошедшая испытания, не допустившая главного – морального, духовного разложения народа. Интересна параллель, проведенная митрополитом Иоанном (Снычевым) в книге «Русская симфония»: «Орда два столетия явля-

лась одним из самых мощных государств мира. Внутреннее единство поддерживалось религиозной самобытностью, основывавшейся на совокупности многочисленных племенных культов... Но когда в 1313 году хан Узбек принял ислам и объявил его государственной религией, это стоило Орде существования. Её распад показывает, какова была бы судьба России, если бы все текло «естественным» образом. Похожесть событий необычайна. И там и тут – новая вера распространяется верховной властью. И там и тут – религия единобожия призвана заменить древние языческие обряды. И там и тут обращение завершает период междоусобиц. И там и тут – дикий, воинственный народ, отсутствие жёсткого государственного единства, наличие как сторонников, так и противников новой религии. Совпадения можно перечислять и дальше. Тем более примечательна – дивны дела Твои, Господи! – полная противоположность следствий перемены веры. Святой равноапостольный князь Владимир возвеличил свою родину, а хан Узбек свою погубил... Что теперь – Орда, и что – Россия?! А ведь, судя по всему, в X-XI веках Русь ждала та же участь, что постигла татаро-монгол в XIV-XVI веках. «

Литературное развитие в XIII – первой половине XIV в. существенно замедляется, и на долгое время, по крайней мере, до середины XV в., одной из центральных в русской литературе становится патриотическая тема. Её в данный период

предлагает само время, тематика исключительно русская и патриотическая. Это летописные материалы: о битве на Калке (в 1223 г.), о Батыевом нашествии (1238–1240), о победе над Мамаем на Куликовом поле (1380), о захвате Москвы Тохтамышем (1382), о нападении Темир-Аксака (1395), о приходе на Русь Едигея (1408) и, наконец, о «стоянии на Угре» русского войска, возглавляемого Иваном III, и татарской рати хана Ахмата в 1480 г. А кроме того, и такие выдающиеся литературные памятники, как «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище».

Вспомним, что одновременно с этим князь *Александр Ярославич* (Невский) (1220–1263) и воевода Псковский (с 1266г.) *Довмонт* (умер в 1299г.) проводят «дискуссии» с псами-рыцарями (1240 – Невская битва, 1241 – взятие немецкой крепости Копорье, 1242г. – Ледовое побоище). В Раковорской битве (1268) псковичи вместе с новгородцами под началом Довмонта, командовавшего правым крылом русского войска, разбили немецких рыцарей. В 1290 г. Довмонт разбил 18-тысячное войско ливонских немцев. Во время вторжения рыцарей (1299) Довмонт, будучи уже в преклонном возрасте, организовал оборону, разбил немцев на берегу реки Великой.

Заветная мечта Ватикана была уничтожить ненавистную «схизму» (то есть «раскол» – разделение на Православную и Католическую церкви) и повергнуть Русскую православную

государственность. Православие в глазах латинян рассматривалось чуть ли не как главный враг. После взятия Константинополя в 1204 году крестоносцы избивали беспощадно православных греков – всех без разбору, грабили имущество, оскверняли храмы – в Софийском соборе пьяные солдаты пировали с блудницами... Ещё в 1147 году папа Евгений III благословил «первый крестовый поход германцев против славян». Пресловутый «дранг нах Остен» был провозглашен задолго до появления Адольфа Гитлера. Фашизм XX века – это результат «осатанелости» средневековой Европы. Вот заслоном чему стали святой благоверный князь Александр Невский и воевода псковский Довмонт.

Для подтверждения этого надо вспомнить еще одного героя-защитника русских земель Даниила Галицкого (1201–1264), отразившего натиск монголо-татар, но допустившего роковую историческую ошибку. Ошибку, за которую Русь по сей день платит русской кровью... Что же произошло?

Если Александр Невский использовал монголо-татарское войско для объединения Руси и для отражения натиска псоврыцарей с Запада, говоря прямо, для отпора католичеству, то Даниил Галицкий наоборот – стал просить помощи у Папы Римского против татар. Папа обещал помощь войсками, так же как обещал ее Византии для отражения нашествия мусульман, но в обмен на принятие католической веры. Византия заключила унию с католиками (1439г.), но помощи не получила и пала под ударами турок. Не дождался её и Да-

нии Галицкий, хотя в 1255 году получил от папы королевский титул, и земли западной Руси под влиянием католической веры быстро потеряли самостоятельность и отошли к Польше и Литве, а православные верующие на этих землях подвергались жесточайшим гонениям, и православные храмы сдавались иудеям в аренду.

« – Так вы не слышали ничего про то, что жиды уже взяли церкви святые, как шинки, на аренды? »

– Нет.

– Так вы не слышали и про то, что уже христианину и пасхи не можно есть, покамест рассобачий жид не положит значка нечистою своею рукою? »

– Ничего не слышали! – кричала толпа, подвигаясь ближе.

– И что ксендзы ездят из села в село в таратайках, в которых запряжены – пусть бы еще кони, это бы еще ничего, а то, просто, православные христиане. Так вы, может быть, и того не знаете, что нечистое католичество хочет, чтоб мы кинули и веру нашу христианскую? Вы, может быть, не слышали и об том, что уже из поповских риз жидовки шьют себе юбки?» (Н. В. Гоголь «Тарас Бульба»).

Даниил Галицкий понял свою ошибку, но было поздно. Лишь в XVII веке (по решению Рады 8 января 1654г.) Богдан Хмельницкий (1595–1657) после многолетней кровопролитной борьбы вновь присоединил Украину к России. Но мы теперь понимаем, что и это еще не было окончательным ре-

шением той проблемы.

А современник Александра Невского и воеводы Довмонта итальянец Данте Алигьери (1265–1321) писал тогда свою бессмертную «Божественную комедию». Нет и тени сомнения в высочайших художественных достоинствах этого гениального произведения. Эпоха Возрождения была огромным, революционным шагом западного искусства. Она дала толчок развитию различных приёмов, стилей, технике изображения. Европейцы усвоили, наконец, технику масляной живописи, давно уже известную на востоке. И даже позже, в XV веке, усовершенствовали её – Братьям Яну и Губерту ван Эйк приписывают изобретение олифы (путём длительного кипячения растительного масла). Появились новые образцы музыки – развлекательного характера.

И всё же надо признать, что в основе эпохи «Возрождения» лежит гуманизм – обожествление человека, человеческих чувств, культ тела, воспевание земного и плотского, то есть античное язычество – шаг назад в духовном развитии! Человек с его страстями и желаниями становится мерилом устройства жизни, целью которой провозглашаются «общечеловеческие ценности» – получение наибольшего удовлетворения и наслаждения от земной жизни, достижение наибольшего благополучия и достатка.

В чём же суть гуманизма? Гуманизм – это вера (я подчёркиваю религиозный характер), вера в то, что *можно исправить природу человека* путём усвоения античной культуры

и, в частности, – чтения античной литературы. То есть, улучшить человека, возвратившись к античному язычеству!

Заметьте – это верование появляется в христианских странах! Но вот, что сказано в Евангелии от Матфея в главе 19:25–26: *«Услышав это, ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись? А Иисус, возрев, сказал им: человекам это невозможно, Богу же всё возможно».*

Зная это, как можно проповедовать гуманизм? Только обладая двойной моралью. Вот это и есть корень двойных стандартов современного западного общества.

Евангелие призывает: *«...Какая наибольшая заповедь в законе?»*

Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.» (Мф.22:36–40)

Девиз гуманизма таков – возлюби человеческое в себе! Гуманизм ещё не отвергает Бога, но «отодвигает» Его в сторонку, ставя на первое место человека. Возлюби свои желания стремления слабости и пороки. Потому что в человеке ничто не является порочным, что не нарушает свободы ближнего. Таким образом, гуманизм выворачивает Евангельские истины наизнанку. Природа человека двойственна:

в нём есть плотское – человеческое начало, и ангельское – духовное. Гуманизм ополовинивает человека, оставляя его в безнадёжном состоянии, наслаждаться земными «удовольствиями», низводя его до животного уровня. В таком состоянии человек становится духовно слепым и глухим.

Поэтому становится совершенно ясно, почему в эпоху Возрождения на место икон приходят картины на Библейские и Евангельские сюжеты. В образе святых на них изображают собственных дочерей, жён, любовниц и блудниц. Авторы пишут себя, донаторов (заказчиков), своих знакомых – в образах святых апостолов и пророков. Так наглядно выглядит двойная мораль гуманизма.

Но в Евангелии от Иоанна Христос говорит: *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.»* (Иоанн 15:3). Любовь по Евангелию – это самопожертвование. Гуманизм самопожертвование заменяет гедонизмом – наслаждением жизнью, что естественно, с его точки зрения, иначе, для чего тогда живёт человек? Но что же тогда такое любовь? Соответственно гуманизму любовь – это страсть и желание обладать телом – наслаждаться и получать удовольствия. И двойственность морали в данном случае заключается в том, что прелюбодеяние (супружеская измена) – не грех, если происходит по согласию, как исполнение обоюдного желания. И блуд не является грехом без насилия, и содомские грехи – это извращённое проявление Божественной заповеди «полюбить ближнего»... Вот откуда вытекает

двойная мораль западной культуры.

Эта же мораль проявляется в западном искусстве. Обнажённая натура уже не считается грехом, если изображать её «художественно». Проще говоря, если нагую женщину выставить на обозрение в непристойной позе, то это – порнография, а если «обнажённую натуру» посыпать, скажем, лепестками роз или украсить декором, красиво задрапировать откровенные места, то это уже искусство. И большая часть человечества уже более трёхсот лет пытается уверить себя, что в этом и состоит отличие искусства от непристойности. В этом уверяет нас и автор романа «Лезвие бритвы» *Иван Антонович Ефремов* (1908–1972).

Одной из спекуляций гуманизма «возрождения» становится тема материнства – способность женщины продлить человеческий род, отдавая первенство сексуальным отношениям (по аналогии с животными). Здесь находятся истоки грядущего дарвинизма. Каков же тогда смысл человеческого существования, если его суть сводится только к получению максимального количества материальных и чувственных удовольствий (вкусная обильная пища, отдых (праздность), «здоровый» секс)? Только способностью к продлению рода можно оправдать существование отдельного индивидуума – в отсутствие Бога. Но, заметьте – при этом теряется общий смысл существования *человечества* (действительно – для чего оно на земле?), исчезает *глубинный смысл жизни* вообще. Именно поэтому в поздних философских те-

чениях Запада так распространены философские теории существования.

Всё, что связано с продолжением рода, интимные отношения – утрачивает свой сакральный смысл, переходит из области скрытой и не подлежащей публичности, в область открытых массовых обсуждений, в литературу – поскольку «ничто человеческое не чуждо» человеку, в изобразительное искусство, в сферу развлечений...

И всё это происходит в противоположность *целомудрию* и *непорочности*, которые, вроде бы, по «логике» материализма, являются препятствиями к продолжению рода. Но логика, мы забываем об этом, понятие человеческое. Если посмотреть реально – в старой «дореволюционной» России – где существовали понятия «целомудрие» и «непорочность», были многодетные семьи – пять, шесть детей было почти нормой, нередко бывало по десять-двенадцать. К двадцать первому веку в России должно было насчитываться население в 600 миллионов человек! Потому что *целомудрие*, *непорочность* и *материнство* – это разные стороны одной сущности. Это отношение к интимной стороне жизни, как к своего рода *таинству*, непостижимому чуду зачатия нового человеческого существа, в которое Господь вселяет душу. Это не просто физиологический процесс, «аналогичный» созреванию картофеля, метанию икры и т. п., или «удовлетворение» естественной потребности. И не дать живой душе зародиться или погубить живую душу даже в зародыше – такой

же грех, как убить живого человека... Даже сегодняшние ко-
шунственные опыты по выведению «детей из пробирок» –
это чудо не опровергают. Учёные – ведь всё равно, зная ме-
ханизм, не знают, почему это происходит. Так же как не зна-
ют, почему люди умирают. От чего – знают, а почему нет...

Но, вернёмся в век тринадцатый. Нравственные категории
всё меньше подходят для оценки произведений искусства.
Поэтому картины мастеров эпохи «Возрождения» на биб-
лейские темы – не являются иконами. Они наполнены экс-
прессией и индивидуальностью авторов – человеческим эго,
чувственностью, физиологичностью. Божественного в них,
мягко говоря, очень мало.

Кроме того, средства для достижения целей такого суще-
ствования всё меньше оцениваются нравственными и мо-
ральными категориями и всё больше становятся категория-
ми юридического закона, победу над которым провозгласил
митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати». Но
заметьте, как с приходом «общечеловеческих ценностей» и
«обожествлением» интимных отношений происходит паде-
ние рождаемости – бич цивилизованных стран, теперь уже
не только западных.

То, что нам по сей день выдают за прогресс, есть не что
иное, как поворот назад – *регресс*, новый виток язычества,
«облагороженного» средневековой эстетикой и библейской
тематикой, выворачивающей саму библейскую тему шиво-
рот-навыорот, эротизирующей её! Поэтому *смысл* за-

падного искусства всё больше становятся **форма** произведения и **техника** его создания, а не духовное содержание. Поэтому в западном искусстве зрелищность и эффектность, чувственность и страстность играют главную роль.

*«Основание языческого мировоззрения покоится на утверждении, что добро и зло есть два самостоятельных, равнозначных, совечных начала бытия мира. Эта поистине дьявольская выдумка отрицает всемогущество Божие, Его благодать и милосердие, лишает человека нравственных опор. Ведь если добро и зло равноправны и равно естественны для человека, то чего же стесняться, что зло действует в нас?... Проще сказать, в основании язычества лежит более или менее **откровенный сатанизм**, неизбежно проявляющий себя жестокостью и безнравственностью. Единственной религией мира, со всей полнотой свидетельствующей об абсолютности добра, блага и любви, является христианство»* (митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) «Русская симфония»).

Именно отсюда, из язычества «возрождения» проистекают такие явления, как современное рабовладение, национализм, фашизм, антихристианство – в основе которых лежат теории превосходства одних людей над другими, а почвой для них служат гордыня, нераскаянность, самооправдание в стремлении обладать большим, чем имеешь материальным достатком – всё то, что даёт и чему учит «возрождение», разбуженное гуманизмом.

Российский советский период – это попытка расцерковления русского народа. Но расцерковление нашего народа – равносильно его уничтожению, что и происходило в XX веке. Думается, чтобы избежать исчезновения народа как единого этноса, советский строй поневоле принял некое подобие монархии, а Советский Союз – подобие империи.

Еще в древнем памятнике русской литературы «**Повесть временных лет**»⁹ дается предостережение от увлечения язычеством и колдовством: «... *Неудивительно, что от волхования сбывается чародейство. Так было и в царствование Домициана – тогда был известен некий волхв именем Аполлоний Тианский, который ходил и творил всюду бесовские чудеса – в городах и сёлах. Однажды, когда из Рима пришел он в Византию, упростили его живущие там сделать следующее: он изгнал из города множество змей и скорпионов, чтобы не было от них вреда людям и ярость конскую обуздал на глазах у бояр. Так и в Антиохию пришел, и, упростиленный людьми теми – антиохийянинами, страдавшими от скорпионов и комаров, сделал медного скорпиона, и зарыл его*

⁹ «**Повесть временных лет**» – наиболее ранний из дошедших до нас летописных сводов. Относится к началу XII века. Свод этот известен в составе ряда летописных сборников, сохранившихся в списках, из которых лучшими и наиболее старыми являются Лаврентьевский 1377 г. и Ипатьевский 20-х годов XV. Летопись вобрала в себя в большом количестве материалы сказаний, повестей, легенд, устные поэтические предания о различных исторических лицах и событиях. Данные отрывки из текста приведены в переводе Д.С.Лихачева.

в землю, и поставил над ним небольшой мраморный столп, и повелел взять людям палки и ходить по городу и выкликивать, потрясая теми палками: «Быть городу без комара!». И так исчезли из города скорпионы и комары. И спросили его ещё об угрожавшем городу землетрясении, и, вздохнув, написал он на дощечке следующее «Увы тебе, несчастный город, много ты потрясешься и огнем будешь попален, оплат тебя (тот, кто будет) на берегу Оронта». Об (Аполлонии) этом и великий Анастасий Божьего града сказал: «Чудеса, сотворенные Аполлоном, даже и до сих пор на некоторых местах исполняются: одни — чтобы отогнать четвероногих животных и птиц, которые могли бы вредить людям другие же — для удержания речных струй, вырвавшихся из берегов, но иные и на погибель и в ущерб людям, хотя и на обуздание их. Не только ведь при жизни его делали бесы такие чудеса, но и по смерти, у гроба его, творили чудеса его именем, чтобы обольщать жалких людей, часто уловляемых на них дьяволом». Итак, кто что скажет о творящих волшебным искушением делах? Ведь вот, искусен был на волшебное обольщение и никогда не считался Аполлоний с тем, что в безумстве предался мудрому ухищрению; а следовало бы ему сказать: «Словом только творю я то, что хотел», и не совершать действий, ожидаемых от него. То всё попустиением Божиим и творением бесовским случается — всеми подобными делами испытывается наша православная вера, что тверда она и крепка, пребывая подле Господа

и не увлекаема дьяволом, его призрачными чудесами и сатанинскими делами, творимыми врагами рода человеческого и слугами зла. Бывает же, что некоторые и именем Господа пророчествуют, как Валаам, и Саул, и Каиафа, и бесов даже изгоняют, как Иуда и сыны Скевавели. Потому что и на недостойных многократно действует благодать, как многие свидетельствуют: ибо Валаам всего был чужд – и праведного жития и веры, но, тем не менее, явилась в нём благодать для убеждения других. И Фараон такой же был, но и ему было раскрыто будущее. И Навуходоносор был законопреступен, но и ему также было открыто будущее многих поколений, тем свидетельствуя, что многие, имеющие превратные понятия, ещё до пришествия Христа творят знамения не по собственной воле на прельщение людей, не знающих доброго. Таков был и Симон Волхв, и Менандр, и другие такие же, из-за которых и было по истине сказано: «Не чудесами прельщать...».»

Всё дело в том только, чтобы воспринимать эти предостережения не как вымысел или сказки а, трезво посмотрев вокруг, сделать правильный вывод. Как и поступали наши предки, не вдаваясь в «научное» суемудрие:

«...В год 6579 (1071). Воевали половцы у Ростовца и Неятина. В тот же год выгнал Всеслав Святополка из Полоцка. В тот же год победил Ярополк Всеслава у Голотическа. В те же времена пришел волхв, обольщенный бесом; придя в Киев, он рассказывал людям, что на пятый год Днепр по-

течет вспять и что земли начнут перемещаться, что Греческая земля станет на место Русской, а Русская на место Греческой, и прочие земли переместятся. Невежды слушали его, верующие же смеялись, говоря ему: «Бес тобою играет на погибель тебе». Что и сбылось с ним: в одну из ночей пропал без вести.

Бесы ведь, подстрекая людей, во зло их вводят, а потом насмеваются, ввергнув их в погибель смертную, подучив их говорить; как мы сейчас и расскажем об этом бесовском наущении и деянии.

Однажды во время неурожая в Ростовской области явились два волхва из Ярославля, говоря, что «мы знаем, кто запасы держит». И отправились они по Волге и куда ни придут в погост, тут и называли знатных жён, говоря, что та жито прячет, а та – мёд, а та – рыбу, а та – меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу и убивали многих жен, а имущество их забирали себе. И пришли на Белоозеро, и было с ними людей 300. В это же время случилось Яню, сыну Вышатины, собирая дань, прийти от князя Святослава; поведали ему белозерцы, что два кудесника убили уже много жён по Волге и по Шексне и пришли сюда. Янь же, расспросив, чьи смерды, и узнав, что они смерды его князя, послал к тем людям, которые были около волхвов, и сказал им: «Выдайте мне волхвов, потому что смерды они мои и моего князя».

Они же его не послушали. Янь же пошёл сам без оружия, и сказали ему отроки его: «Не ходи без оружия, осрамят тебя». Он же велел взять оружие отрокам и с двенадцатью отроками пошел к ним к лесу. Они же исполнились против него. И вот, когда Янь шёл на них с топориком, выступили от них три мужа, подошли к Яню, говоря ему: «Видишь, что идёшь на смерть, не ходи». Янь же приказал убить их и пошел к оставшимся». Они же кинулись на Яня, и один из них промахнулся в Яня топором. Янь же, оборотив топор, ударил того обухом и приказал отрокам рубить их. Они же бежали в лес и убили тут Янева попа. Янь же, войдя в город к белозерцам, сказал им: «Если не схватите этих волхвов, не уйду от вас весь год». Белозерцы же пошли, захватили их и привели к Яню. И сказал им: «Чего ради погубили столько людей?». Те же сказали, что «они держат запасы, и если истребим их, будет изобилие; если же хочешь, мы перед тобою вынем жито, или рыбу, или что другое». Янь же сказал: «Поистине ложь это; сотворил Бог человека из земли, составлен он из костей и жил кровяных, нет в нем больше ничего, никто ничего не знает, один только Бог знает». Они же сказали: «Мы знаем, как человек сотворен». Он же спросил: «Как?», Они же отвечали: «Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. И заспорил сатана с Богом, кому из неё сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а Бог душу в него вложил. Вот почему, если умрёт человек, – в землю идет тело, а душа к Богу».

Сказал им Янь: «Поистине прельстил вас бес; какому богу веруете?». Те же ответили: «Антихристу!». Он же сказал им: «Где же он?». Они же сказали: «Сидит в бездне». Сказал им Янь: «Какой это бог, коли сидит в бездне? Это бес, а Бог на небесах, восседает на престоле, славимый ангелами, которые предстоят ему со страхом и не могут на него взглянуть. Один из ангелов был свергнут – тот, кого вы называете антихристом; низвергнут был он с небес за высокомерие свое и теперь в бездне, как вы и говорите; ожидает он, когда сойдет с неба Бог. Этого антихриста Бог свяжет узами и посадит в бездну, схватив его вместе со слугами его и теми, кто в него верует. Вам же и здесь принять муку от меня, а по смерти – там». Те же сказали: «Говорят нам боги: не можешь нам сделать ничего!». Он же сказал им: «Лгут вам боги». Они же ответили: «Мы станем перед Святославом, а ты не можешь ничего нам сделать». Янь же повелел бить их и выдергивать им бороды. Когда их били и выдирали расщепом бороды, спросил их Янь: «Что же вам молвят боги?». Они же ответили: «Стать нам перед Святославом». И повелел Янь вложить рубли в уста им и привязать их к мачте и пустил их перед собою в ладье, а сам пошел за ними. Остановились на устье Шексны, и сказал им Янь: «Что же вам теперь боги молвят?». Они же сказали: «Так нам боги молвят: не быть нам живым от тебя». И сказал им Янь: «Вот это-то они вам правду поведали». Волхвы же ответили: «Но если наспустишь, много тебе добра будет; если же

нас погубишь, много печали примешь и зла».

Он же сказал им: «Если вас пуццу, то плохо мне будет от Бога, если же вас погублю, то будет мне награда». И сказал Янь гребцам: «У кого из вас кто из родни убит ими?». Они же ответили: «У меня мать, у того сестра, у другого дочь». Он же сказал им: «Мстите за своих». Они же, схватив, убили их и повесили на дубе: так отмищение получили они от Бога по правде! Когда же Янь отправился домой, то на другую же ночь медведь взобрался, загрыз их и съел. И так погибли они по наущению бесовскому, другим пророчествуя, а своей гибели не предвидя. Если бы ведь знали, то не пришли бы на место это, где им суждено было быть схваченными; а когда были схвачены, то зачем говорили: «Не умереть нам», в то время, когда Янь уже задумал убить их? Но это и есть бесовское наущение: бесы ведь не знают мыслей человека, а только влагают помыслы в человека, тайного не зная. Бог один знает помышления человеческие. Бесы же не знают ничего, ибо немощны они и скверны видом. Вот и ещё расскажем о виде их и о наваждениях их. В то же время, в те же годы, случилось некоему новгородцу прийти в землю Чудскую, и пришел к кудеснику, прося волхвования его. Тот же по обычаю своему начал призывать бесов в дом свой. Новгородец же сидел на пороге того дома, а кудесник лежал в оцепенении, и вдруг ударил им бес. И, встав, сказал кудесник новгородцу: «Боги не смеют прийти, — имеешь на себе нечто, чего они боятся». Он же вспомнил, что на нём крест, и, отойдя,

положил его вне дома того. Кудесник же начал вновь призывать бесов. Бесы же, тряся его, поведали то, ради чего пришел новгородец. Затем новгородец стал спрашивать кудесника: «Чего ради бесы боятся того, чей крест на себе мы носим?». Он же сказал: «Это знамение небесного Бога, которого наши боги боятся». Новгородец же сказал: «А какие боги ваши, где живут?». Кудесник же сказал: «В безднах. Обличьем они черны, крылаты, имеют хвосты; взбираются же и под небо послушать ваших богов. Ваши ведь боги на небесах. Если кто умрёт из ваших людей, то его возносят на небо, если же кто из наших умирает, его несут к нашим богам в бездну». Так ведь и есть: грешники в аду пребывают, ожидая муки вечной, а праведники в небесном жилище водворяются с ангелами.

Такова-то бесовская сила, и обличие их, и слабость. Тем-то они и прельщают людей, что велят им рассказывать видения, являющиеся им, нетвёрдым в вере, одним во сне, а другим в наваждении, и так волхвуют научением бесовским. Большие же всего через жен бесовские волхования бывают, ибо искони бес женицину прельстил, она же мужчину, потому и в наши дни много волхвуют женицины чародейством, и отравою, и иными бесовскими кознями. Но и мужчины неверные бывают прельщаемы бесами, как это было в прежние времена.

При апостолах ведь был Симон Волхв, который заставлял волшебством собак говорить по-человечески и сам обо-

рачивался то старым, то молодым или кого-нибудь оборачивал в иной образ, в мечтании. Так творили Анний и Мамврий: они волхвованием чуда творили, противоборствуя Моисею, но вскоре уже ничего не мог; и сделать равное ему; так и Куноп напускал наваждение бесовское, будто по водам ходит, и иные наваждения делал, бесом прельщаем, на погибель себе и другим.

Такой волхв объявился и при Глебе в Новгороде; говорил людям, притворяясь богом, и многих обманул, чуть не весь город, говорил ведь: «Предвижу все» и, хуля веру христианскую, уверял, что «перейду по Волхову перед всем народом». И была смута в городе, и все поверили ему и хотели погубить епископа. Епископ же взял крест в руки и надел облачение, встал и сказал: «Кто хочет верить волхву, пусть идёт за ним, кто же верует Богу, пусть ко кресту идет». И разделились люди надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И началась смута великая между ними. Глеб же взял топор под плащ, подошел к волхву и спросил: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?». Тот ответил: «Знаю всё». И сказал Глеб: «А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?» – «Чудеса великие сотворю», – сказал. Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мертв, и люди разошлись. Так погиб он телом, а душою предался дьяволу.

Неслучайно в средневековой Европе в эпоху Возрожде-

ния и «просвещения» махровым цветом расцветают сатанинские секты и тайные общества, в результате чего, как средство борьбы с сатанизмом, извращающим Христианство, нередко использующим в своих обрядах кровавые жертвоприношения, в том числе и людей, — появилась святая инквизиция. То, что она в дальнейшем выродилась в инструмент политического и физического насилия для удовлетворения корыстных интересов — лишь следствие уклонения от истинного пути — внесения Западом изменения в «Символ веры» ещё в VIII веке.

По сравнению с западной идеологией Русь в своём *духовном развитии* была далеко впереди! При этом в русской иконописи, например, также существовали различные школы, направления и стили с сохранением, разумеется, церковных канонов, но не исключаяющие *вдохновенного* творчества. Подумайте только, какой высокой степени вдохновения нужно достичь, чтобы узреть душой то, что обычным глазом вроде бы не видно, и затем изобразить это. Вглядитесь в лица Святой Троицы *Андрея Рублёва* — разве видели вы что-либо подобное в нашей земной жизни? *Икона* тем и отличается от *картины*, что она написана *не с физического тела — не с натуры*.

Не надо забывать, что во все времена искусство, помимо прочего, выражало и мировоззрение современников. И мировоззрение, выраженное в той же «Божественной комедии», не только отличается от православного, но и, по сути,

ему противоположно. Именно Данте и его «комедия» считаются одним из отправных пунктов западноевропейского «Возрождения». В эту эпоху стал формироваться и активно развиваться особый тип западной культуры – *неоязычества*, внедрённого в христианскую культуру. Не только дошедший до настоящего времени, но ставший основой западной экономики и политики. Это тип культуры, основанной на *юридическом праве*, вполне понятном для обычного материально-ориентированного сознания. Так в «Божественной комедии» и возникает образ «чистилища». Господь предстаёт перед западным сознанием не как Высший Судия – Бог-Творец, а именно как высший *судья* в юридическом смысле – назначающий наказание после смерти, за прижизненные преступления (преступления): безгрешных – в Рай, грешников – на «сковородку». В западном сознании *грехом* становится только *преступление* с точки зрения *юридической*, а не пойман, так и не вор! Рассудить по совести или по правде – для западного сознания – абсурд.

Однако тут возникла «небольшая» заминка. Остаётся большая часть людских душ – это так называемые «обычные» люди, миряне, не жившие жизнью святых праведников, однако не совершившие «тяжкие» грехи. Те, кого в обществах западного типа называют *средний* класс и которого в России никогда не существовало как серьёзной экономической единицы – ни при царе, ни после он не был основой государственного уклада. Нет его и ныне. Но на Западе он уже

давно составляет основную массу населения. Кстати, знаете почему? Потому, что уже в средние века в Европе всякого рода отшельники, странники и бродяги, нищие и прочих «нереспектабельный» люд – считался преступниками и подлежал *уничтожению*. Кстати, последние массовые казни бродяг и преступников в Европейских государствах известны в XX веке! В нынешней Европе их селят в резервации и снабжают наркотиками, как людей не вписывающихся в «общий» людской стандарт. Таким путём достигается европейский гламур! Такое оно – истинное западное «(о)чистилице»...

При таком подходе к России, у нас в разряд людей «без определённого места жительства» попали бы не только лесковский «очарованный странник» и «слепой музыкант» Короленько, но и, прости Господи, Александр Свирский, Симеон Верхотурский, Серафим Саровский, Ксения Петербургская – сотни святых и тысячи иноков, не приемлющих мирскую жизнь, а уж «калики перехожие» и шагу бы не ступили. Чувствуете разницу? Но, похоже, что эту технологию – уничтожение «неполноценных людей», сегодня применили и в России...

А вот как быть со «средним» классом? Как его успокоить надеждой на спасение? Ведь ждать от него молитвенных подвигов, да и, вообще, «излишней» добродетели не приходится. Но тогда благополучная сытость – столь милая европейскому обывателю – не благо?

Тут-то, по законам развитого сервиса, и был подан образ «чистилища» как некоего реабилитационного центра, где несовершенная душа с помощью «дополнительных» страданий доводится до «кондиции». Такое вот гарантированное спасение, так что если ты не «дотянул» в земной жизни до «высшей» степени святости, то потом уже всё произойдёт автоматически. Прямая юридическая аналогия с земным существованием. Она возникает из доступности земному сознанию понимания земной жизни как некоего «зала ожидания», в котором на время пребывания должен быть обеспечен соответствующий сервис. Но где же акт спасения души, духовный подвиг, духовный труд? Его нет. Человек как бы «обречён» на спасение, если он христианин даже формально – просто после крещения носит крестик на шее. Зато у грешников нет вообще ни малейшего шанса. Их невозможно отмолить после смерти. А для чего тогда наши земные молитвы об умерших? И разве не всем душам принёс спасение Христос? И для чего он, сойдя во ад, вывел оттуда раскаявшихся грешников? Словом, очевидна разница, между законом и Благодатью, о чём и писал Иларион митрополит Киевский в «Слове о законе и Благодати».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.